

Часть 4. Репрессии

- Глава I. Подготовка
- Глава II. Начало
- Глава III. Пароксизм
- Глава IV. Лев Черный и Фанни Барон
- Глава V. Лефевр, Вержа и Лепти
- Глава VI. Случай из жизни
- Глава VII. Финальный аккорд
- Глава VIII. Ложь и клевета
- Глава IX. Трюк с «делегациями»
- Глава X. Большевицкое «правосудие»

Глава I. Подготовка

«Советской власти» удалось выполнить свою задачу: весной 1918 года организация его правительственных и государственных кадров — полицейских, военных и «советской» бюрократии — зашла уже довольно далеко. Таким образом, была создана достаточно прочная основа для диктатуры, полностью подчиненная тем, кто сформировал и поддерживал ее. На нее можно было положиться.

Используя эти дисциплинированные и слепо повинующиеся ему силы принуждения, правительство большевиков положило конец попыткам действовать независимо в разных концах страны.

С помощью этих быстро растущих сил оно в конечном итоге подчинило массы своей суровой диктатуре.

И эти силы, в безоговорочном подчинении которых правительство было уверено так же, как и в пассивности большинства населения, оно бросило против анархистов.

В революционные дни Октября тактика большевиков по отношению к анархистам сводилась к следующему: использовать последних по максимуму в процессе борьбы и «разрушения», помогая им при необходимости (оружием и др.), одновременно внимательно наблюдая за ними.

Сразу же после победы и завоевания власти правительство большевиков сменило тактику.

Приведем наглядный пример.

Во время ожесточенных боев в Москве в октябре 1917 года штаб «двинцев» (Двинского полка, о котором говорилось выше) располагался в здании Московского Совета. Тогда же возник большевистский «Революционный комитет», провозгласивший себя «верховой властью». И сразу же штаб «двинцев» (известных своей приверженностью анархизму) стал объектом наблюдения, подозрений и недоверия со стороны «Ревкома».

Штаб опутали нити шпионажа. Он фактически оказался заблокированным.

Грачев (анархист, командовавший полком) прекрасно понимал, что большевиков заботит не подлинная Революция и решение насущных проблем, а исключительно устранение соперников и захват власти. Он предчувствовал, что они вскоре выхолостят Революцию и приведут ее к поражению. Его охватила глубокая тоска. Он напрасно вопрошал себя, как вовремя остановить преступную руку новой власти, готовую набросить удавку на шею Революции. Совещался об этом с некоторыми товарищами, бессильными, увы, как и он сам!

За неимением лучшего Грачев пришел к мысли вооружить рабочих. Передал на заводы винтовки, пулеметы, патроны. Так он надеялся подготовить массы к возможному восстанию против новых самозванцев.

Внезапно Грачев погиб. Отправленный большевистскими властями в Нижний Новгород «по военным делам», он был убит при весьма загадочных обстоятельствах; объявили, что произошел несчастный случай, застреливший его солдат не умел пользоваться винтовкой[25].

Некоторые обстоятельства позволяют предположить, что он погиб от руки наемника «советской» власти.

(При странном образом схожих обстоятельствах в 1936 году в Испании был убит анархист Дуррути.)

Затем все революционные полки Петрограда и Москвы, участвовавшие в октябрьских сражениях, были разоружены большевиками.

В Москве первым был разоружен (силой) Двинский полк.

Немного позднее всюду все граждане без исключения, в том числе трудящиеся и их организации, были вынуждены, под страхом смертной казни, сдать оружие большевистским военным властям[26].

Глава II. Начало

Всеобщие, систематические и решительные преследования анархистов были начаты «коммунистическим» правительством весной 1918 года.

Заклучив Брестский мир, правительство почувствовало себя достаточно уверенным, чтобы повести беспощадную борьбу против своих противников «слева» (левых эсеров и анархистов).

Ему надо было действовать методически и осторожно.

Прежде всего, по приказу правительства коммунистическая печать начала клеветническую и лживую кампанию против анархистов, которая день ото дня все усиливалась. Одновременно, в процессе проведения митингов и собраний активно готовилась почва на заводах, в армии и в обществе в целом. Изучалось настроение масс.

Вскоре правительство убедилось, что может рассчитывать на вооруженные силы, притом что массы останутся более менее безразличными или не смогут серьезно повлиять на события.

В ночь на 12 апреля все анархистские организации Москвы — в том числе «Федерация анархистских групп Москвы» — под лживым и абсурдным предлогом были разгромлены полицией и войсками[27]. В течение нескольких часов город имел вид осажденного. В «акции» участвовала даже артиллерия.

Эта операция послужила сигналом к разгрому либертарных организаций почти во всех крупных городах страны. Как всегда, провинциальные власти в своем рвении превзошли столичные.

Троцкий, который в течение двух недель готовил удар и лично агитировал в полках против «анархо-бандитов», выразил удовлетворение власти в своем известном заявлении «Наконец Советская власть железной метлой избавляет Россию от анархизма!»

Извечная и жестокая ирония истории человечества: пятнадцать лет спустя Сталин использует то же самое выражение и выметет «железной метлой» троцкизм, к великому неудовольствию Троцкого.

Признаюсь, что испытал некоторое удовлетворение, когда свершилась эта своего рода историческая справедливость.

Однако первая атака была не более чем робким началом, «черновой попыткой».

Сама идея анархизма пока не была объявлена вне закона. Сохранялась и некоторая, весьма ограниченная, свобода слова, печати, или, скорее, убеждений. В отдельных местах можно было еще вести анархическую работу. Либертарные организации — бледные тени прошлого — относительно оправились от «катастрофы» и возобновили свою деятельность.

Тем временем большевистское правительство разгромило партию социалистов-революционеров (как и другие левые фракции, «максималистов» и пр.). Мы уделим этому гораздо меньше внимания, борьба против них была не столь масштабной и не столь интересна, как преследования анархистов. Схватку между большевиками и левыми эсерами можно расценивать как борьбу двух политических партий за власть, что для нас не представляет особого интереса.

Отметим, однако, что, выведя из правительства нескольких членов партии эсеров, коммунистическая партия повела против своих соперников беспощадную борьбу. С лета 1918 года левые эсеры были объявлены вне закона. Вскоре они перестали существовать как партия. Их активистов преследовали по всей стране и уничтожили до последнего человека. Трагическая судьба несчастной Марии Спиридоновой представляет собой одну из самых поразительных страниц в истории этих бесчеловечных репрессий. Арестованная, скитавшаяся по тюрьмам, терпевшая нравственные и, возможно, физические мучения, она окончила свои дни в безвестной смрадной камере или в подвале, под пулями «чекистов» (мне неизвестно в точности, что с ней стало). А сколько других активистов партии, чья единственная ошибка заключалась в том, что она иначе понимала задачи и пути Революции, ожидала та же участь!

Глава III. Пароксизм

В 1919–1920 годах возросло число протестов и выступлений рабочих и крестьян (начавшихся еще в 1918-м) против монополистских и террористических действий «советской» власти по отношению к ним. Правительство, все более беспощадное и циничное в своем деспотизме, отвечало усилением репрессий.

Естественно, анархисты вновь душой и телом были вместе с обманутыми, угнетенными, борющимися массами. Поддерживая рабочих, они требовали для трудящихся и их организаций права самим, свободно, без вмешательства политиков руководить производством. Анархисты поддерживали крестьян в их требовании независимости, самоуправления, права свободно и непосредственно вести переговоры с рабочими. От имени тех и других они требовали восстановления революционных завоеваний трудящихся, того, чего их обманом лишила «коммунистическая» власть, в частности, возрождения «подлинно свободного советского режима», «политических свобод» для всех революционных течений и т. д. Короче говоря, они требовали, чтобы завоеваниями Октября воспользовался сам народ, свободные рабочие и крестьянские организации.

Разумеется, анархисты пером и словом разоблачали политику правительства, боролись против нее во имя этих принципов.

Как и следовало предвидеть, большевистское правительство объявило им войну на уничтожение.

В конце того же 1918 года многие либертарные организации в провинции были вновь разгромлены. А тем из них, кто случайно уцелел, власти не давали никакой возможности действовать.

В 1919 году репрессии в России продолжились, они начались и на Украине. (По ряду причин большевистская диктатура установилась там гораздо позднее, чем в других местах.) Повсюду, где воцарились большевики, анархистские группы были ликвидированы, активисты арестованы, газеты закрыты, библиотеки уничтожены, собрания запрещены.

Излишне говорить, что все эти меры были приняты в чисто полицейском, военном или административном порядке, совершенно произвольно, без предъявления обвинения, следствия и других юридических процедур. Все происходило по московской модели, предложенной в 1918 году самим Троцким.

Летом 1919 года, после пресловутого постановления Троцкого № 1824, объявлявшего вне закона так называемое «махновское» движение (см. часть 5, главу 2), почти повсюду начали арестовывать не только партизан-махновцев, но и анархистов вообще. Очень часто их расстреливали на месте по приказанию красных командиров.

В большинстве случаев разгром анархистских организаций сопровождался актами дикого насилия, безумного вандализма со стороны «чекистов» и обманутых, раздраженных или перевозбужденных красноармейцев: с активистами, мужчинами и женщинами, обращались грубо, как с «преступниками»; жгли книги, разрушали штаб-квартиры и пр. Это было настоящее репрессивное исступление.

В конце лета 1919 года все анархистские организации на Украине были разгромлены.

К 1920 году от анархистского движения в России остались одни осколки.

В начале октября 1920 года «советская» власть, нуждаясь в помощи революционных махновских партизан для победы над Врангелем, заключила с Махно соглашение.

Согласно одному из условий соглашения, арестованные и сосланные анархисты должны были быть освобождены и получали право открыто действовать в России и на Украине.

Откладывая, разумеется, выполнение этого условия, большевики все же вынуждены были прекратить преследования и освободить нескольких активистов.

После победы над Врангелем «советское» правительство предательски напало на Махно и окончательно уничтожило анархистское движение на Украине.

Вот как это произошло.

В конце ноября 1920 года, после победы над Врангелем, правительство приказало арестовать в Харькове анархистов, собравшихся на свой легальный Съезд. Одновременно оно вновь начало преследовать анархистов по всей Украине, открыв на них настоящую охоту, организуя избиения и ловушки, арестовывая подростков 14–16 лет, беря «в заложники» родителей, жен и детей активистов, как будто хотело отомстить за вынужденные уступки и наверстать упущенное время, стремясь на этот раз уничтожить «подлую породу анархистов» вплоть до детей!

Чтобы оправдать эту отвратительную «акцию», правительство объяснило свой разрыв с Махно предательством, якобы совершенным последним, и выдумало фантастический «разветвленный анархистский заговор против советской власти».

История этого заговора достаточно интересна и заслуживает отдельного рассказа.

За несколько дней до решающей победы над Врангелем, когда в поражении последнего не оставалось уже никаких сомнений, центральная станция радиопередач в Москве предписала всем провинциальным станциям отключить приемники, чтобы они *не могли принять* срочную и совершенно секретную радиogramму Ленина, которая предназначалась лишь двум центральным станциям: в Харькове и Крыму.

Один сторонник анархистов, служащий некой провинциальной радиостанции, не выполнил предписание. И принял следующую радиogramму:

«Установить численность анархистов Украине, особенно махновском районе. — *Ленин*».

Несколько дней спустя последовала другая радиограмма:

«Осуществлять активное наблюдение всеми анархистами. Готовить документы преступного характера, чтобы можно было предъявить обвинения. Послать повсюду необходимые инструкции. — *Ленин*».

А еще через несколько дней была отправлена третья и последняя лаконичная радиограмма:

«Арестовать всех анархистов и предъявить им обвинения. — *Ленин*».

Все эти радиогаммы были адресованы Раковскому, в то время председателю Совета Народных Комиссаров Украины, и другим гражданским и военным властям.

Получив третью радиограмму, радист, симпатизировавший анархистам, сообщил об этом одному активисту Конфедерации «Набат». Последний спешно отправился в Харьков, чтобы предупредить товарищей о готовящихся репрессиях. Он прибыл слишком поздно: дело уже было сделано. Почти все харьковские анархисты, а также делегаты съезда находились в тюрьме. Их штаб-квартиры были закрыты.

Таков был «заговор» украинских анархистов против советской власти.

Отметим, что в момент заключения соглашения между правительством «Советов» и Махно анархистская делегация официально заявила, что число заключенных и сосланных анархистов, которые должны быть освобождены, *превышает 200 тысяч*, в большинстве своем *крестьян, массаами арестовывавшихся как сторонники махновского движения*. Мы не знаем, много ли среди них было *сознательных анархистов*. И никогда не узнаем, сколько человек было тогда расстреляно или исчезло без следа в многочисленных районных тюрьмах, зачастую секретных, о которых местное население и не подозревало.

Во время Кронштадтского выступления в марте 1921 года (см. Книгу III) большевистское правительство прибегло к новым массовым арестам анархистов и анархо-синдикалистов. Оно вновь организовало настоящую охоту на людей по всей стране, стремясь захватить последних активистов, которые осмеливались возвысить свой голос. Ибо, вопреки всей лжи, распространяемой «советской» властью внутри страны и за ее пределами, Кронштадтское восстание и сопутствовавшие ему движения были в значительной степени проникнуты либертарным духом.

Всякое массовое выступление: рабочую стачку, протест крестьян или недовольство солдат и матросов, — неизбежно ожидала участь анархистов.

Часто в тюрьму бросали людей, имевших с анархистами лишь общие воззрения, родственные или дружеские связи.

Открыто согласиться с точкой зрения анархистов — этого было достаточно, чтобы оказаться в застенке, выйти из которого было очень трудно, а многие остались там навсегда.

В 1919 и 1921 годах подверглись жестокому разгрому кружки Анархической Молодежи[28]. Эти молодые люди занимались исключительно самообразованием и изучали, в числе прочего, анархистскую теорию, которой более всего симпатизировали. Действия большевиков были вызваны исключительно стремлением пресечь на корню любые попытки молодежи ознакомиться с либертарными идеями. Допускалась лишь марксистская догма.

Летом 1919 года советская печать сообщила (подобного рода сообщения были, вообще-то, крайне редки и объяснялись исключительно намерением предостеречь молодежь, дабы она не упорствовала в своих стремлениях), что в окрестностях Жмеринки (небольшой город на Украине) были «выявлены и ликвидированы» — то есть расстреляны — от 30 до 40 анархистов, обосновавшихся в этом местечке, и их сторонников в других южных городах. Никогда не узнать имен всех, кто погиб подобным образом. Но известно, что в числе расстрелянных оказалось несколько лучших молодых анархистских активистов.

В тот же период по данным, опять-таки, советской печати, в Одессе были арестованы и частью расстреляны члены довольно крупной и активной анархистской группы, которая, в числе прочего, вела пропаганду в советских учреждениях (даже в Одесском совете и местном партийном комитете). Согласно советской печати, это являлось «величайшим предательством».

По официальным данным, до конца 1922 года были расстреляны 92 анархиста-«толстовца» (последовательных пацифиста), в основном за отказ служить в армии. Многие «толстовцы» томились в тюрьмах.

Один из таких честных пацифистов (впоследствии он чудом вышел на свободу) нос к носу столкнулся в ЧК с Петерсом, известным палачом. Ожидая своей очереди, он мирно выискивал вшей в своей всклокоченной бороде и бросал их на пол. (В то время вши были самыми близкими спутниками людей; в народе их ласково называли «семашками», в честь народного комиссара здравоохранения Семашко: жестокая, но показательная ирония.)

— Почему вы бросаете их, а не убиваете? — удивленно спросил Петерс.

— Я никогда не убиваю живых существ, — был ответ.

— Ох! — сказал позабавленный Петерс. — Смешно, однако! Вы даете вшам, клопам и блохам жрать себя? Ну и чудной же вы, дружище, вот что я вам скажу. Вот я уничтожил несколько сот человек — бандитов, само собой, — и ничего. Хотя бы!

Он замолчал, с любопытством разглядывая мирного «толстовца», которого наверняка считал безумцем.

Я мог бы еще долго продолжать этот мартиролог.

Мог бы привести сотню примеров, когда людей загоняли в ловушку, чтобы расстрелять — либо после «допросов» и пыток, либо на месте, на опушке леса или на Богом забытом полустанке...

Я мог бы перечислить множество имен анархистов, зачастую совсем молодых, брошенных в тюрьмы или сосланных в районы с плохим климатом, где они гибли после долгих и жестоких мучений.

Я мог бы рассказать о возмутительных случаях репрессий с использованием наглого стукачества, циничного предательства или отвратительной провокации. Случаях, когда жертвы чаще всего совершали одну единственную ошибку — хотели мыслить свободно и не скрывать своих взглядов.

Людей уничтожали как носителей идеи, если то не была идея правительства и его привилегированной клики. Стремилась уничтожить саму мысль, подавить всякое независимое мышление... А также очень часто убивали тех, кто знал и мог раскрыть правду о некоторых вещах[29].

Ограничусь *несколькими* особенно чудовищными примерами. (У нас будет возможность возвратиться к этой теме в первой главе книги III, посвященной Кронштадтскому восстанию, и в последней главе той же книги, о «махновском» движении.)

Глава IV. Лев Черный и Фанни Барон

В июле 1921 года 13 анархистов, заключенных в Таганскую тюрьму без веских оснований, объявили голодовку, требуя предъявления обвинения или освобождения. Голодовка совпала с сессией международного Конгресса красных профсоюзов (Профинтерна) в Москве. Группа иностранных профсоюзных делегатов (в основном, французов), узнав подробности от родственников заключенных, отправила в связи с этим запрос «советскому» правительству. Запрос касался и других аналогичных случаев, а также политики репрессий в отношении синдикалистов и анархистов в целом.

От имени правительства Троцкий цинично ответил делегатам:

«Мы не сажаем в тюрьму настоящих анархистов. Те, кого мы держим в заключении — не анархисты, а преступники и бандиты, прикрывающиеся их именем».

Делегаты, располагавшие всей полнотой информации, не смирились с этим. Они повторили запрос с трибуны Конгресса, требуя, по меньшей мере, освобождения анархистов, заключенных в Таганке... Запрос вызвал на Конгрессе большой скандал и вынудил правительство (которое опасалось, что последуют более серьезные разоблачения) отказаться от возражений. Оно пообещало делегатам освободить узников Таганки. На одиннадцатый день голодовка прекратилась...

После отъезда делегатов, в течение двух месяцев затягивая дело в надежде найти достаточный предлог для обвинения заключенных и не выполнить свои обязательства, правительство все-таки вынуждено было их освободить. (Это произошло в сентябре 1921 года, все они, за исключением трех человек, были высланы из СССР.)

Но в отместку (мщение являлось неперенным атрибутом большевистских репрессий) и с целью оправдать перед иностранными трудящимися и их делегатами свою террористическую политику по отношению к «так называемым анархо-коммунистам», оно позднее сфабриковало уголовное дело против последних.

За якобы «преступные» действия, в частности, за будто бы имевшее место изготовление фальшивых советских дензнаков, оно приказало расстрелять (разумеется, тайно, ночью, в одном из подвалов ЧК, безо всяких юридических формальностей) нескольких наиболее честных, искренних и преданных делу анархистов: молодую Фанни Барон (муж которой также находился в тюрьме), известного активиста Льва Черного (настоящая фамилия Турчанинов) и других.

Позднее было доказано, что расстрелянные анархисты не имели никакого отношения к преступлению, в котором их обвинили.

А с другой стороны, выяснилось, что так называемое дело о подделке дензнаков было полностью сфабриковано самой ЧК. Два ее агента, некий Штейнер (он же Каменный) и шофер-чекист, проникли в либертарные круги и одновременно в воровскую среду, чтобы «установить» связи между ними и сфабриковать «дело». Все происходило под руководством ЧК при соучастии этих агентов. Видимость «дела» была создана, и о нем оповестили широкую публику.

Так, чтобы оправдать свои преступления, правительство пожертвовало анархистами и постаралось очернить их память.

Глава V. Лефевр, Вержа и Лепти

Расскажем еще об одном случае, об исчезновении трех французских активистов: Раймона Лефевра, Вержа и Лепти, делегатов Конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося в Москве летом 1920 года.

Раймон Лефевр, будучи членом компартии и прекрасно понимая, что его идейные товарищи пошли по неправильному пути, не раз высказывал свое недовольство этим. Что касается анархо-синдикалистов Вержа и Лепти, они открыто выражали свое возмущение и критиковали положение вещей в России. Не раз Лепти, стиснув голову руками, говорил, думая об отчете, который должен был представить своим французским товарищам-синдикалистам: «Ну что же я им скажу?»

После завершения Конгресса они несколько дней и ночей приводили в порядок свои записи и документы. На них начали оказывать давление, потому что перед отъездом во Францию все трое отказались представить собранные материалы советским функционерам, которым якобы было поручено обеспечить доставку документов в место назначения. Лефевр не доверил свои записи и бумаги даже русским членам партии.

Тогда московские политиканы решили «саботировать» их отъезд.

Под надуманным предлогом им не позволили уехать нормальным путем, как это сделали Кашен и другие делегаты-коммунисты. По непонятным причинам советское правительство решило «отправить их через Север».

Желая полностью выполнить свою миссию и полагая, что присутствие коммуниста Лефевра служит им достаточной защитой, Вержа и Лепти были готовы на все, чтобы вернуться во Францию вовремя и успеть на Конфедеральный съезд, где должны были представить свои отчеты.

Началом их голгофы стал долгий и тяжелый путь из Москвы в Мурманск, который они преодолели в ужасных условиях. «Нас саботируют», — не без оснований утверждал Лепти. В насквозь промерзшем вагоне, не имея теплой одежды и продовольствия, они попросили охранявших их чекистов достать все необходимое. Они могли сколько угодно говорить, что являются делегатами, но получали один ответ: «Мы не знаем, какие такие делегаты едут в поезде. Никаких указаний на это счет нам не давали». Только благодаря настойчивости Лефевра им выдали кое-какую еду. Так, страдая от лишений и испытывая многочисленные трудности, прибыли они в Мурманск, где нашли приют у рыбаков в ожидании выполнения данных в Москве обещаний, то есть прибытия корабля, который должен был переправить их

в Швецию.

Так, в тревожном ожидании обещанного судна, которое все не прибывало, прошли три недели. Делегаты начали сомневаться, что вовремя вернутся во Францию и полностью выполнят свою миссию.

Тогда Лефевр написал первое письмо своему московскому другу. Не получив ответа, он послал ему второе, третье — никакого результата. Затем стало известно, что эти письма были переданы Троцкому, который конфисковал их.

В своем последнем послании Лефевр с горечью рассказывает о тяжелом положении делегатов и сообщает об их отчаянной решимости переплыть Ледовитый океан на рыбацком баркасе, лишь бы вырваться из страны Советов. «Мы отправляемся навстречу смерти», — писал он.

Удалось собрать необходимые средства для покупки баркаса. И, несмотря на мольбы некоторых товарищей и местных рыбаков, они отплыли... навстречу смерти, как и писал Раймон Лефевр. Потому что больше их не видели.

Вещественных доказательств этого убийства, расчетливо задуманного в Москве, не существует. (Или те, кому все известно, по понятным причинам хранят молчание.) Большевики, естественно, все отрицают. Но могут ли возникнуть сомнения, когда известна твердая и непримиримая позиция Вержа и Лепти в России, обычные методы большевистского правительства и препятствия, сопровождавшие их отъезд, в то время как Кашен и другие делегаты-коммунисты благополучно и вовремя возвратились на родину, чтобы повторить Турскому съезду то, что было ими заучено в Москве?..

Во всяком случае, мы точно изложили подлинные факты, которые, в конце концов, стали известны и в России. На наш взгляд, они говорят сами за себя. Пусть судит читатель.

Глава VI. Случай из жизни

Позвольте мне рассказать мою собственную историю, менее трагическую, но прекрасно характеризующую политику государственников-большевиков. Случай этот в описываемую эпоху являлся вовсе не единичным.

В ноябре 1918 года я приехал в город Курск на границе с Украиной, чтобы принять участие в Съезде украинских анархистов. Тогда проведение подобного съезда поблизости от Украины было еще возможно, поскольку край этот вел борьбу против реакции и немецкого нашествия. Большевики *терпели* там анархистов, используя их и наблюдая за ними.

С начала Революции в Курске не проводилось никаких публичных собраний по анархизму, у маленькой местной группы не было для этого достаточно сил. Группа решила использовать мое присутствие и предложила мне выступить в большом городском зале. Разумеется, я с радостью согласился.

Нужно было попросить разрешения у председателя местного Совета. Этот честный выходец из рабочих дал его без проблем. Имея в руках столь ценный документ, мы сняли зал заранее, за две недели до собрания, которое было намечено на один из святочных вечеров. Несколько дней спустя мы заказали и расклеили по стенам большие красивые плакаты. Все было готово.

Собрание обещало оказаться успешным. В этом нас убеждали слухи, ходившие по городу, группы людей перед плакатами, вопросы о месте заседаний группы и др. Ожидалось, что зал будет переполнен.

Не привыкшие к таким успехам (в Великороссии уже в то время публичные собрания, посвященные анархизму, запрещались), мы испытывали вполне понятное удовлетворение.

За два дня до назначенной даты ко мне пришел взволнованный и возмущенный секретарь группы: он только что получил записку от председателя *Курского комитета РКП(б)* (подлинной власти в городе), уведомляющую, что из-за праздников собрание по анархизму состояться не может и что он сообщил заведующему залом о распоряжении Комитета провести там вечер танцев.

Я поспешил в партком. Там у меня состоялось бурное объяснение с его председателем по фамилии, если не ошибаюсь, Рындич (или Рындин, точно не помню).

— Как! — сказал ему я. — Вы, коммунист, не признаете права очередности? Мы получили разрешение Совета и сняли зал за две недели специально для того, чтобы быть уверенными, что он останется за нами. Комитет должен записаться в очередь.

— Сожалею, товарищ, но решение Комитета, который является, не забывайте, высшей властью и может иметь свои причины, которых вы не знаете и которые превыше всего, — так вот, решение это окончательное. Ни председатель Совета, ни заведующий помещением не могли знать заранее, что Комитету потребуется зал именно в этот день. Впрочем, спорить и настаивать абсолютно бесполезно. Повторяю вам, решение окончательное, собрания не будет... Или же организуйте его в другом зале и в другой день.

— Вы прекрасно знаете, что за два дня сделать это невозможно. И потом, другого такого большого зала в городе нет. Впрочем, все помещения уже заняты под праздничные мероприятия. Собрание просто сорвано.

— Сожалею. Перенесите его на другой день. В общем, вы ничего не теряете. Все можно уладить.

— Ох! Это будет уже не то. Такие изменения всегда вредят делу. И потом, плакаты дорого стоят. А главное, я должен на днях уехать из Курска. Скажите: как вы намерены уладить дело в сам вечер собрания? Я думаю, вас ожидает недовольство части публики, которая, конечно, в большом количестве придет на собрание. Плакаты висят уже две недели, слишком поздно печатать и расклеивать другие. Рабочие города и окрестностей с нетерпением ждут. Вы совершите ошибку, навязав этим людям вечер танцев вместо собрания, на которое они придут.

— А это уже наше дело! Не беспокойтесь, мы сами этим займемся.

— Значит, по сути Комитет запрещает собрание, несмотря на разрешение Совета.

— Нет, нет, товарищ! Мы ничего не запрещаем. Назначьте его после праздников. И мы предупредим людей, которые придут на собрание, вот и все.

На том и расстались. Я посоветовался с членами группы, и мы решили перенести собрание на 5 января 1919 года. Предупредили большевистский Комитет и заведующего помещением. Эти изменения вынудили меня на несколько дней отложить отъезд на Украину.

Заказали новые плакаты. Кроме того, решили, во-первых, предоставить большевистским властям самим объясняться с публикой и, во-вторых, что я в этот вечер на всякий случай останусь в своем гостиничном номере. Мы предполагали, что многочисленная публика несмотря ни на что потребует собрания, и в итоге большевикам придется уступить. В таком случае меня должен был известить секретарь группы.

Лично я ожидал большого скандала, даже серьезных столкновений.

Собрание было назначено на 8 часов вечера.

Около половины девятого меня позвали к телефону. Я узнал взволнованный голос секретаря: «Товарищ, зал буквально осажден толпой, которая не хочет ничего знать и требует собрания. Большевики не могут их урезонить. Вероятно, им придется уступить, и собрание состоится. Берите извозчика и быстрее приезжайте».

Прыгаю в коляску и отправляюсь. Издалека доносится невообразимый шум. Прибыв на место, вижу у дверей зала толпу, кричащую: «К черту вечер танцев! Довольно танцев! Осточертело!.. Хотим собрания! Мы пришли на собрание!.. Собрание! Собрание! Соб-ра-ние!»

Ко мне подходит ожидавший меня секретарь. Мы с трудом протискиваемся в холл, также заполненный народом. Зал находится на втором этаже. На верхней ступеньке лестницы обнаруживаю «товарища» Рындича, обращающегося к толпе, которая непрерывно кричит: «Собрание! Собрание!»

— Хорошо, что вы пришли... Видите, что происходит, — бросает он мне разгневанно. — Это все — ваших рук дело!

Возмущенно говорю:

— Я вас предупреждал. Это вы за все отвечаете. Вы хотели уладить дело. Ну, давайте! Выпутываетесь теперь, как знаете! Самым простым и лучшим было бы разрешить собрание.

— Нет, нет и нет! — кричит он, взбешенный. — Не будет вам собрания, гарантирую.

Я пожимаю плечами.

Неожиданно он говорит мне:

— Вот, товарищ. Они не желают меня слушать. А я не хотел бы прибегать к серьезным мерам. Вас они послушают. Объясните им ситуацию и убедите спокойно разойтись. Урезоньте их. Скажите, что собрание откладывается. Вы должны выполнить мою просьбу.

Чувствую, что если собрание не состоится сегодня, оно не состоится вообще никогда. Уверен, что оно будет окончательно запрещено, а я, возможно, арестован.

Я категорически отказываюсь обратиться к толпе. Отрицательно качнув головой, заявляю Рындичу:

— Нет, говорить я не буду. Вы этого хотели, вот сами и выпутывайтесь!

Толпа, видя наш спор, шумит все сильнее. Рындич пытается что-то сказать. Бесполезно! Его голос покрывает настоящий гул. Толпа чувствует свою силу. Она развеселилась, сплачивает ряды, постепенно заполняет лестницу, лестничную площадку, подходы к запертому залу.

Рындич с жестом отчаяния вновь обращается ко мне:

— Скажите им, скажите же! Или все плохо кончится!

Мне приходит в голову одна мысль. Я делаю знак окружающим меня людям. Они стихают. Тогда медленно, чеканя слова, я говорю:

— Товарищи! Ответственность за эту прискорбную неразбериху целиком лежит на большевистском горкоме. Мы первые, за две недели, сняли зал. Два дня назад комитет, даже не посоветовавшись с нами, занял зал, чтобы организовать там вечер танцев. (Толпа оглушительно кричит: «Долой вечер танцев! Собрание!») Он вынудил нас перенести собрание. Я — выступающий и готов провести собрание сейчас же. Большевики формально запретили его. Но *вы* — граждане города; *вы* — публика. Так что решать *вам*. Я в вашем полном распоряжении. Выбирайте, товарищи: или мы переносим собрание, а вы спокойно расходитесь и приходите сюда в другой день, 5 января; или, если вы хотите собрания немедленно и таково ваше решение, *действуйте*, занимайте зал.

Едва прозвучали последние слова, обрадованная толпа разражается рукоплесканиями и кричит: «Собрание немедленно! Собрание! Собрание!» И в необоримом порыве бросается в зал. Рындича затолкали. Дверь открывают. (Иначе ее бы вышибли.) Дают свет.

Зал наполнился в мгновение ока. Публика, частью стоящая, частью сидящая, успокаивается. Мне остается только начать выступление. Но на эстраду забирается Рындич. Он обращается к собравшимся:

— Граждане, товарищи! Потерпите еще несколько минут. Комитет РКП(б) посовещается и примет окончательное решение. Его вам сразу же сообщат. Вероятно, танцев не будет...

— Ура! — кричит толпа, обрадованная своей очевидной победой. — Собрание! Да здравствует собрание!

Снова аплодируют. И смеются.

Большевики удаляются в соседнюю комнату для совещания. Двери зала закрывают. Собравшиеся терпеливо ждут решения. Думают, что эта комедия разыграна большевиками, чтобы сохранить лицо.

Проходит четверть часа.

Неожиданно двери зала распахиваются, и входит большой отряд солдат-чекистов (специальные войска, нечто вроде жандармов или мобильной гвардии, выдрессированные и слепо преданные режиму) с винтовками в руках. Ошарашенная публика неподвижно остается на своих местах. Спокойно, в напряженной тишине, солдаты занимают зал, пробираясь вдоль стен, позади сидений. Одна группа остается у дверей, винтовки нацелены на публику.

(Позднее стало известно, что большевистский комитет сначала обратился в городскую казарму, прося вмешаться регулярные войска. Солдаты потребовали объяснений — в то время такое еще было возможно, — заявили, что сами хотели бы присутствовать на собрании, и отказались. Тогда комитет пригласил готовый на все отряд чекистов.)

Тотчас же в притихший зал входят члены комитета. Рындич вновь поднимается на эстраду и торжествующим тоном обращается к публике:

— Так вот. Комитет принял решение. Вечера танцев не будет. *Собрания тем более.* Впрочем, уже слишком поздно для того и другого. Предлагаю собравшимся спокойно и соблюдая полный порядок покинуть зал и здание. Иначе вмешаются чекисты.

Возмущенные, но бессильные, люди начинают подниматься и выходить из зала. «Все-таки, — шепчут некоторые, — их вечеринка не удалась... Это уже неплохо!»

Внизу их ожидает другой сюрприз: на выходе два вооруженных чекиста обыскивают каждого и проверяют документы.

Несколько человек арестованы. Часть из них будет освобождена на следующий день. Но некоторые останутся в тюрьме.

Я возвращаюсь в гостиницу.

На следующее утро — телефонный звонок. Голос Рындича:

— Товарищ Волин, приходите ко мне в Комитет. Мне надо поговорить с вами по поводу собрания.

Отвечаю:

— Оно назначено на 5 января. Мы заказали плакаты. Вас это устраивает?

— Да. Но все-таки приходите, нужно поговорить.

Как только я вхожу, любезный большевик с улыбкой заявляет мне:

— Так вот, товарищ. Комитет решил, что ваше собрание *не состоится*. Ответственность за это лежит на вас, так как вчера вы вели себя враждебно и вызывающе. Более того, Комитет считает, что вам нельзя оставаться в Курске. Пока вы побудете здесь, у нас.

— А! Так я арестован?

— Ах, нет, нет, товарищ. Мы вас не арестовываем. Вы только *задержитесь* здесь на несколько часов, до отправления московского поезда.

— Московского? — воскликнул я. — Но мне совершенно нечего делать в Москве! И у меня уже есть билет до Харькова (на Украине), куда я должен поехать после съезда. Меня там ждут друзья и работа.

После короткого совещания с товарищами этот человек говорит мне:

— Хорошо. Вы можете ехать в Харьков. Но поезд отправляется только в час ночи. Так что вам придется провести здесь весь день.

— Могу я пойти в гостиницу и взять свои вещи?

— Нет, товарищ.

— Обещаю вам, что отправлюсь прямо в гостиницу и возьму свои чемоданы. Впрочем, можете пойти со мной.

— Невозможно, товарищ, сожалеем. Вас могут увидеть. Дело получит огласку. Нам бы этого не хотелось. Таков приказ. Скажите кому-нибудь из наших товарищей, чтобы он забрал из гостиницы ваши чемоданы.

«Охранник», вооруженный чекист, уже стоял за дверью комнаты. Делать было нечего.

«Товарищ» принес мой чемодан. Около полуночи другой на извозчике проводил меня на вокзал и проследил, чтобы я уехал.

Добавлю, что эта неожиданная поездка проходила в таких ужасных условиях, что в пути я заболел. Я избежал воспаления легких лишь благодаря случайному попутчику, который поместил меня у своих друзей в Сумах (небольшой город на Украине). Там меня быстро вылечил хороший врач. И через несколько дней я уже был в Харькове.

Добавлю, что сразу же по прибытии написал для нашей местной еженедельной газеты «Набат» — вскоре запрещенной большевистскими властями из-за ее растущего успеха — статью, озаглавленную «История одного собрания при диктатуре пролетариата», где подробно описал этот показательный случай.

Глава VII. Финальный аккорд

После всего, что мы говорили о характере государственного социализма и его неизбежной эволюции, читатель легко поймет причины, которые привели этот «социализм» к неразрешимому конфликту с анархической идеей.

Для знающего человека нет ничего неожиданного и удивительного в том, что социалистическая Власть преследует анархизм и анархистов. Это предвидели сами анархисты (в том числе Бакунин) задолго до Революции — в случае, если она последует по авторитарному и государственному пути.

Преследования анархической идеи и ее сторонников, удушение независимых движений народных масс — таковы неизбежные последствия противостояния *подлинной Революции* на подъеме и *государственнической практики*, которая, одержав победу, препятствует этому подъему, не понимает подлинной Революции и противится ей.

Новое правительство (если революция, к несчастью, имеет его), называет ли оно себя «революционным», «демократическим», «социалистическим», «пролетарским», «рабоче-крестьянским», «ленинским», «троцкистским» или как-то иначе, неизбежно сталкивается с живыми силами подлинной Революции. Этот антагонизм столь же неизбежно вовлекает власть во все более беспощадную борьбу (оправдываемую с растущим лицемерием) против революционных сил и, следовательно, против анархистов, самых решительных глашатаев, просветителей и защитников подлинной Революции и ее устремлений.

Торжество Власти в этой борьбе означает одно — поражение Социальной Революции и, «автоматически», подавление анархистов.

Пока Революция и анархисты сопротивляются, социалистическая власть свирепствует все наглее. Безграничный террор и чудовищный обман — вот ее последние и решающие аргументы.

Тогда все подлинно революционное безжалостно выметается как противоречащее «высшим интересам Революции» (жестокая ирония!), как «преступное» и «предательское».

Вот что следовало ожидать — и многие ожидали — в случае торжества государственнической идеи.

Вот что полностью и окончательно подтвердил опыт русской Революции.

И вот что должны наконец понять миллионы людей, если они хотят избавить грядущую Революцию от поражения, ужасов и катастрофы Революции русской.

Сейчас — и уже немало лет — в России не существует никакой либертарной печати, пропаганды, движения. Анархизм объявлен вне закона. Анархисты уничтожены *до последнего* — всеми возможными и воображимыми средствами.

Некоторые еще находятся в тюрьмах и ссылке. Их осталось очень мало.

Небольшое число русских анархистов, избежавших уничтожения, изгнанных из родной страны или бежавших, нашли убежище в различных странах Европы и Америки.

А если в России и остались сознательные сторонники либертарной идеи, они вынуждены держать свои мысли при себе.

Уже многие годы, как и при царе, в России не идет речи ни об анархистах, ни об анархизме.

«Комитет помощи заключенным и сосланным российским анархистам», который многие годы действовал в Германии, Франции и Соединенных Штатах, публикуя Информационные бюллетени о репрессиях, собирая средства и посылая их жертвам, вынужден был прекратить свою деятельность, так как связь с оставшимися в живых стала невозможной.

«Эпопея» уничтожения либертарного движения в России после «коммунистической» Революции завершилась. Сейчас это уже «история».

Самое ужасное, что в ходе репрессий погибли не только подлинные анархисты, но и сотни тысяч простых тружеников — рабочих, крестьян и интеллигентов, — выступивших против лжи, и что *сама идея Революции* или, скорее, *всякая свободная мысль и деятельность* в стране строящегося «социализма» тоже стали «историей»!..

Глава VIII. Ложь и клевета

Почему же такие поразительные факты остались неизвестными за границей?

Читатель увидит это.

С самого начала и многие годы правительство большевиков предпринимало все возможное, чтобы скрыть свое гнусное дело от трудящихся и революционеров других стран, методически и бесстыдно обманывая их с использованием классического арсенала замалчивания, лжи и клеветы.

Основной прием был заимствован у лжецов всех времен: уничтожив идею и движение, уничтожали и историю. Никогда «советская» печать не говорила о борьбе, которую большевизм вел против народной свободы, и о средствах, использованных им, чтобы одержать верх. В «советских» трудах читатель не найдет ничего. А когда большевистская литература не может не говорить об этом, она ограничивается кратким указанием, что речь шла о подавлении контрреволюционных движений или бандитов. *А кто это проверит?*

Помог большевикам и другой прием: закрытие границ. События русской Революции разворачивались — и разворачиваются — за закрытыми дверями. Всегда было трудно, если не невозможно, узнать в точности, что происходит в России. Российская печать, сугубо официозная, замалчивает все, что имеет отношение к репрессиям.

Когда в передовых кругах Европы поднимался вопрос о преследованиях анархистов в России, и, несмотря на принятые меры, становились известны какие-то крохи правды, представители большевистского правительства каждый раз с исключительной наглостью заявляли: «А что? Анархисты — подлинные — пользуются в СССР полной свободой пропагандировать свои идеи. У них есть даже свои клубы и печать». А поскольку анархистами и их идеями, как правило, особенно не интересовались, подобного ответа бывало достаточно. *Понадобилось бы провести целый ряд исследований, чтобы доказать обратное. А кто об этом задумывался?*

Несколько ренегатов от анархизма, которым большевистское правительство покровительствовало, оказали последнему ценную услугу. Под видом свидетельств оно цитировало лживые утверждения этих бывших анархистов. Отказавшись от своего прошлого и стремясь вновь обрести политическую невинность, они говорили все, что от них требовалось[30].

Большевики любили также цитировать «прирученных», то есть «советских», анархистов[31]. Последние сочли мудрым и полезным приспособиться к ситуации и большевизму, «чтобы иметь возможность действовать» — осторожно, втихомолку, прикрываясь «лояльностью». Эта «тактика защитного окраса» не могла принести успеха при большевиках, положивших конец всякой антиправительственной деятельности.

Пристально наблюдая за «замаскировавшимися» анархистами, непрерывно преследуя, угрожая и ловко «приручая» их, власти в итоге вынудили их оправдать и даже одобрить — «временно» — все деяния большевизма. Строптивых арестовали или отправили в ссылку. А тех, кто действительно подчинился, прославили как «настоящих анархистов», которые «поняли правоту большевизма», и противопоставили всем остальным, «ненастоящим анархистам».

Кроме того, большевики приводили в пример анархистов, которые практически бездействовали и не касались «животрепещущих» проблем. Для «видимости» им позволили сохранить (под наблюдением) малочисленные организации. Некоторым из них приказали переиздать старые безобидные анархистские труды — исторические или теоретические. И такие **«анархистские издательства» приводили в пример того, что «подлинных анархистов» не трогают. Позднее все эти «организации» были также «ликвидированы»**[32].

Наконец, терпели некоторых экстравагантных «анархистов», «шутов», которые искажали анархизм до карикатурности. Большевистские писатели не упускали случая вывести их в своих произведениях, чтобы осмеять идею[33].

Так что правительству большевиков пришлось создать некий «фасад», позволивший ему скрыть правду от плохо информированных масс и западной общественности. Позднее, убедившись в безразличии, наивности и подлости «передовых» кругов других стран, большевики даже перестали им прикрываться. Потому что «передовые» деятели и массы и так все проглатывали!

Этот обманчивый фасад позволил большевикам успешно использовать оружие, которое, увы, всегда эффективно: клевету.

С одной стороны, они умышленно смешивали анархистов с «контрреволюционерами», «преступниками», «бандитами» и пр.

С другой, утверждали, что во время революции анархисты, даже не будучи «бандитами», умели только болтать, критиковать, «бузить», вставлять палки в колеса Революции, разрушать, вызывать беспорядки и обделывать свои дела. Заявляли, что, даже желая служить Революции, они оказывались неспособными ни на что дельное, не имели никакой «позитивной программы», никогда не предлагали ничего реального, были безответственными мечтателями, сами не знали, чего хотят, и все эти причины вынудили правительство ополчиться на них, так как подобные элементы представляли собой серьезную опасность на трудном пути революции.

Поскольку никто не знал правду и не мог проверить факты, прием удался.

Подобная «тактика» долгие годы успешно служила большевистскому правительству. Впрочем, она составляла лишь элемент целой системы надувательства, которую удалось создать большевикам.

Любые разоблачения, а они все чаще появлялись в либертарной и другой зарубежной печати, методично и цинично опровергались с помощью тех же стереотипных аргументов.

Трудящиеся массы, передовые интеллектуалы всех стран, ослепленные фальшивым блеском «первой социалистической республики», соглашались со всеми глупостями ее «гениальных вождей», давая «обдурить» себя и мало заботясь о разоблачениях, сделанных анархистами.

Этому всеобщему безразличию также способствовали тщеславие, мода, снобизм и другие второстепенные факторы.

Наконец, свою роль сыграли и самые прозаические, личные интересы. Сколько маститых писателей в разных странах умышленно закрывали глаза на правду, которую они, тем не менее, знали! «Советское» правительство нуждалось в них, чтобы сделать себе рекламу. В обмен оно обеспечивало широкий, почти уникальный рынок сбыта для их книг. И бедняги заключали молчаливую сделку, успокаивая свою совесть извинениями и оправданиями, внушенными им новоявленными меценатами.

Глава IX. Трюк с «делегациями»

Наконец, отдельную главу следует посвятить особому способу «промывки мозгов», широко применяемому «Советами»: «иностранным (или «рабочим») делегациям».

Факты известны. Один из «убийственных аргументов» большевиков при опровержении неприятных разоблачений состоит в использовании свидетельств «делегаций», отправляемых в СССР различными зарубежными организациями, заводами или институтами. После посещения «страны социализма» делегаты, за редкими исключениями, объявляют «вымыслом», «ложью» и «клеветой» все неблагоприятное для «Советов», что говорится за границей.

Поначалу этот трюк с «делегациями» был беспроблемным. Позднее он потерял свою эффективность. Некоторое время спустя о нем почти забыли. С одной стороны, события быстро следовали одно за другим, и игра за ними не поспевала. С другой, наконец стало ясно, что «делегаты» не могут ничего узнать о реальной жизни, даже будучи искренними и беспартийными. С самого начала им навязывалась насыщенная и заранее определенная программа. Не зная ни языка, ни обычаев, ни реальной жизни населения, они прибегали к помощи правительственных гидов и переводчиков. Делегатам показывали и рассказывали только то, что считали нужным. Они, в целом, не имели никакой возможности ближе познакомиться с населением, объективно и длительное время изучать его жизнь.

Все это теперь более или менее ясно.

Но существует один факт, не получивший известности, который, однако, многое говорит о положении вещей в СССР.

Упомянутый выше «Комитет помощи», несколько профсоюзных организаций и отдельных известных активистов (светлой памяти Эрих Мюзам в Германии, Себастьян Фор во Франции) несколько раз предлагали большевистскому правительству разрешить приехать в СССР *настоящей* делегации, составленной из представителей различных тенденций, в том числе «коммунистов». «Советскому» правительству предлагались следующие условия: 1) свободное и неограниченное пребывание в стране до тех пор, пока делегация не посчитает свою миссию выполненной; 2) возможность являться всюду, куда делегация сочтет нужным, в том числе в тюрьмы, места ссылок и т. д.; 3) право публиковать собранную информацию, впечатления и выводы в передовой зарубежной печати; 4) переводчик, выбранный самой делегацией.

Согласиться на это предложение было целиком и полностью в интересах большевистского правительства — если, разумеется, оно являлось искренним, не желало ничего скрывать, не боялось правды. Благоприятный и одобрителный отчет такой делегации положил бы конец всем недомолвкам. Всякое социалистическое, «рабоче-крестьянское» правительство (если бы таковое существовало на самом деле) должно было бы принять подобную делегацию с распростертыми объятиями. Ему следовало бы даже самому подать такую идею. Свидетельство и одобрение подобной делегации стало бы действительно решающим и неопровержимым.

Но этот дар так и не был принят. «Советское» правительство и ухом не повело.

Пусть читатель задумается над этим. Дело в том, что *неодобрение* со стороны такой делегации было бы тоже неопровержимым и окончательным. Результаты ее расследования оказались бы сокрушительны для репутации «советского» правительства, его системы и всего его дела.

Но за границей никто не выступил. Могильщики революции могли считать себя в полной безопасности и пренебречь попытками заставить их признать ужасную правду: банкротство Революции в результате их деятельности. Не беспокоились также слепцы и подкупленные всех стран.

Говоря правду, до сих пор неведомую — в этом не приходится сомневаться — почти всем нашим читателям-неанархистам, мы выполняем свой долг. Не только потому, что в один прекрасный день правда должна стать известной, но потому также — и это главное, — что она окажет неоценимую услугу всем, кто *хочет* знать, кто устал от вечного обмана коварных лжецов, кто, наконец, сильный этой правдой, сможет в будущем действовать с полным сознанием своего дела.

История репрессий в СССР не только показательна и красноречива сама по себе: она прекрасно позволяет понять *саму суть, скрытую «изнанку», подлинную природу авторитарного коммунизма.*

Мы сожалеем лишь об одном: о том, что не можем посвятить им достаточно подробный рассказ.

Приведем еще один свежий пример. Он прекрасно показывает, как большевики и их прислужники обманывают мир.

Речь идет о работе некого Е. Ярославского, видного большевика, «Анархизм в России», изданной в 1937 году на испанском и французском языках с целью помешать успеху либертарной идеи в Испании и других странах во время известных событий.

Оставим в стороне абсолютно фантастические «сведения» о происхождении анархизма, о Бакунине, об анархизме в России до 1917 года и о поведении анархистов во время первой мировой войны. Ответ на эти сказки появится, быть может, в анархистской печати. Что нас интересует, так это рассуждения автора о либертарном движении *во время самой Революции 1917 года.*

Ярославский из осторожности не говорит о *подлинном анархистском движении*. Он много места уделяет движениям, которые не имели ничего общего с анархизмом, а также группам, газетам и деятельности анархистов *второго плана*. Он старательно подчеркивает слабые места и злобно подмечает недостатки, разжигая собственную ненависть. Долго разбирает несчастные «осколки» движения, которые после ликвидации подлинных либертарных организаций отчаянно и безуспешно боролись за сохранение хотя бы тени своей прежней активности. Действительно, это были жалкие и бессильные остатки удушенного анархистского движения. Они уже не могли создать ничего серьезного и позитивного. Их полуподпольная, затрудненная деятельность под наблюдением ничуть не характеризует либертарное движение в России. Во всех странах и во все эпохи такие осколки уничтоженных государством организаций владели тягостное и бесплодное существование вплоть до неизбежного полного истощения. Теплившаяся в них жизнь изобиловала уклонами, метаниями, расколами, что, если честно, нельзя ставить им в упрек, ибо они не имели никакой возможности для нормальной деятельности.

И об этих осколках говорит Ярославский, делая вид, что речь идет о подлинном анархистском движении.

«Союз анархо-синдикалистской пропаганды Петрограда» и его газету «Голос Труда» Ярославский упоминает только один раз, походя и лишь потому, что хочет сфальсифицировать факты. Он не говорит ни о Московской федерации, ни о газете «Анархия». А когда посвящает несколько строк украинскому «Набату», то опять-таки с целью исказить истину.

Если бы Ярославский был честен, он должен был бы основное внимание уделить этим трем организациям и процитировать их прессу. Но ему прекрасно понятно, что подобная беспристрастность разрушила бы все его домыслы, то есть не соответствовала бы самой цели предпринятого им «труда». И отрицает все, что неопровержимо доказывает серьезные основы, позитивное значение и влияние анархистского и анархо-синдикалистского движения в России во время Революции 1917 года.

Тем более ни слова не говорит Ярославский о гонениях, репрессиях, насильственном подавлении движения. Ибо, сказав правду, он опроверг бы собственные лживые тезисы.

По его мнению, анархисты в 1917 году «были против социалистической и пролетарской Революции». Он считает, что либертарное движение угасло само собой, из-за собственной непопулярности и бессилия.

Читатель знает, что верно как раз обратное. Именно потому, что либертарное движение быстро развивалось и росло, завоевывая симпатии и успех, большевики поспешили подавить его в зародыше при помощи самого банального насилия: грубого использования военной и полицейской силы.

Но если бы Ярославский признал эту истину, она обрушила бы всю его конструкцию! И он лжет, уверенный в невежестве своих читателей и в том, что некому будет ему возразить.

Если я позволил себе задержаться на этом примере, то лишь потому, что такая манера изложения является *типичной*. Все большевистские работы об анархизме следуют той же модели и похожи как две капли воды. Указание идет сверху. Большевистским «историкам» и «писателям» остается только следовать ему. Для уничтожения либертарной идеи все средства хороши. Работа такая делается по заказу и хорошо оплачивается. Она не имеет ничего общего с *исторической истиной*, которую мы стремимся установить.

Глава X. Большевистское «правосудие»

Нам остается вкратце рассмотреть *административные и судебные* методы большевиков в ту эпоху.

Впрочем, по сути своей с тех пор эти методы почти не изменились. Сейчас они, возможно, используются не столь часто. Но совсем недавно подобные меры применялись к «троцкистам», старым большевикам-антисталинцам, чиновникам, попавшим в немилость: полицейским, военным и другим.

Как мы говорили, в России существует политическая полиция, которая действует тайно: имеет право тайно арестовывать людей безо всяких процедур, тайно «судить» их без свидетелей и защиты, тайно «приговаривать» к разного рода наказаниям, включая смертную казнь, продлевать заключение или ссылку, как ей угодно.

В этом вся суть. Ужасный режим в тюрьмах и ссылке — на чем мы настаиваем вопреки всем заявлениям обманутых или подкупленных иностранных «делегаций» — лишь усугубляет положение. Даже если бы режим в русских тюрьмах носил гуманный характер, как то утверждают официальные лица и их подголоски, нельзя, тем не менее, отрицать, что честные труженики могут быть произвольно вырваны из своей среды, брошены в тюрьму и лишены права бороться за свое дело, ибо так решила кучка функционеров.

В описываемую нами эпоху эта всемогущая полиция называлась ЧК — Чрезвычайная Комиссия.

ЧК была создана в конце 1917 года по инициативе Ленина. В нее входили коммунисты, зарекомендовавшие себя в борьбе против царизма и пользовавшиеся безграничным доверием Центрального Комитета Российской Коммунистической партии.

В то время коммунисты оправдывали существование этого института и особенности его деятельности необходимостью эффективно противостоять многочисленным заговорам, угрожавшим Революции. Позднее этот аргумент утратил смысл. Но ЧК сохранилась. Теперь речь шла о защите Власти от Революции!

В 1923 году смена названия на ГПУ (Главное Политическое управление) немного изменило в практике этого учреждения. С тех пор не менялось ничего, только начальники. Имена Дзержинского, создателя и вдохновителя ЧК, скоростижно скончавшегося или, как утверждали некоторые, убитого по приказу Сталина на своем посту; Ягоды, казненного после одного из пресловутых «процессов»; сменившего его и загадочно исчезнувшего Ежова

и др. достаточно известны за рубежом.

ЧК никогда не предоставляла отчетов о своей работе — ни трудящимся, ни их «избранныкам». Ее деятельность всегда была окружена величайшей тайной. На нее работала широкая сеть тайных агентов, значительная часть которых пришла из бывшей царской полиции. Кроме того, ЧК использовала доносы, которые вменялись в обязанность каждому коммунисту.

Произвол, злоупотребления, преступления, совершаемые в застенках этого учреждения, превосходят всякое воображение. Разумеется, мы не можем здесь перечислить их все: это заняло бы еще один том. Историк будущего ужаснется, когда обнаружит в открывшихся архивах эти чудовищные человеческие документы.

В описываемую нами эпоху политические дела слушались за закрытыми дверями. Впрочем, даже теперь открытые процессы являют собой исключение.

Приговоры нигде не публиковались. Позднее в нескольких строчках иногда сообщалось, что рассматривалось то или иное дело и было вынесено то или иное решение. Мотивы не указывались.

Приговоры, как правило, обжалованию не подлежали.

Приведением приговоров в исполнение занималась также сама ЧК. Если речь шла о смертной казни, заключенного выводили из камеры, и чекист-палач стрелял ему в затылок, когда тот спускался по последним ступеням лестницы, ведущей в подвал. Захоронения производились тайно. Тела никогда не выдавали родственникам. Очень часто последние узнавали о казни близкого человека по косвенным признакам: по отказу тюремной администрации принять передачу. Ответом им была краткая в своей простоте, ставшая классической фраза: «Такой-то в списке заключенных больше не значится». Это могло означать перевод в другую тюрьму или ссылку. Или смерть. Других объяснений не допускалось. Родственники должны были сами наводить справки и узнавать, что же произошло.

Ссылка, всегда в административном порядке, означала отправку в самые удаленные и неблагополучные места огромной страны: либо в жаркие и болотистые — чрезвычайно вредные для здоровья — районы Туркестана, либо на Крайний Север, на границы ужасного Нарымского или Туруханского края.

Достаточно часто правительство «забавлялось», отправляя людей в Туркестан, а затем неожиданно переводя их на Север или наоборот. Это было верное средство отправить их на тот свет.

Переписка того времени между Комитетом Помощи и анархистами, сосланными на Север, раскрывает весь физический и нравственный кошмар «жизни» этих жертв. Прибыв на место назначения, они оказывались в полной изоляции от остального мира. Во многие места — забытые Богом деревни и поселки, население которых жило охотой и рыболовством — почта приходила два или даже один раз в год. Некоторые из этих поселений представляли собой

лишь 4–5 хижин, затерянных в снежной и ледяной пустыне.

Ссылные страдали от всевозможных болезней, вызываемых недоеданием, холодом, бездействием: цинги, туберкулеза, сердечных и желудочных заболеваний. Жизнь становилась пыткой, а смерть представлялась избавлением от мук.

Тюрьмы, куда бросали анархистов, синдикалистов, «оппозиционеров», простых рабочих, крестьян и других граждан, несогласных с властями или только подозреваемых в этом, никогда не посещались «иностранными делегациями». Делегатам, как правило, показывали Сокольники, Лефортово, отдельные пристройки Бутырок, где содержались контрреволюционеры, спекулянты и уголовники. Иногда последних заставляли говорить, что они «политические заключенные», и хвалить тюремные порядки, за что обещали сократить срок заключения. Некоторые делегации смогли посетить тюрьму в Тифлисе, где содержались социал-демократы. Но есть тюрьмы, куда никогда не ступала нога зарубежных делегатов или путешественников. Это Соловецкий лагерь, часто упоминаемый иностранной печатью; Суздальская тюрьма (в перестроенном здании бывшего монастыря); «политические изоляторы» в Верхнеуральске, Тобольске, Ярославле. К этому списку можно добавить еще множество тюрем и лагерей, построенных по всей стране. Они совершенно неизвестны людям наивным или пристрастным, которые, возвратившись из «первой в мире социалистической страны» и «изучив» ее, осмеливаются восхвалять «новый пенитенциарный режим, созданный в СССР».

Подумать только, Ромен Роллан утверждал, что не обнаружил в России никаких признаков административного произвола!..

Насилие, репрессии, развязанные против народа, террор — вот что венчает дело большевиков, их так называемый «советский» режим.

Чтобы оправдать эти ужасные вещи, они ссылаются на интересы Революции. Нет ничего лживее и лицемернее этой попытки самооправдания.

Анархисты в России были уничтожены; они не могут больше жить в ней лишь потому, что отстаивают принципы Социальной Революции, борются за подлинную экономическую, политическую и социальную свободу народа.

Революционеры и сотни тысяч простых российских трудящихся были уничтожены новой Властью и новым привилегированным слоем, которые, как все власти и привилегированные слои мира, лишены революционного духа и удерживают бразды правления лишь благодаря своей жажде господства и эксплуатации. Их система опирается на хитрость и насилие, как и любая другая авторитарная и государственная система, непременно господствующая, эксплуатирующая и угнетающая.

Государственно-коммунистический режим является лишь разновидностью режима фашистского. Сейчас как никогда необходимо, чтобы трудящиеся всех стран осознали это, задумались и извлекли уроки из этого чудовищного отрицательного опыта.

Впрочем, такому пониманию с большой вероятностью будут способствовать происходящие и назревающие в мире события.

Сейчас, в декабре 1939 года, когда я пишу эти строки, большевизм выходит наконец из своей российской «клетки». И мы увидим, на что он способен. В окончательных результатах его экспансии у меня нет никаких сомнений.

Развитие событий позволит также, надеюсь, глубже понять дух этой книги и ее новизну.

И наоборот (я также надеюсь), моя книга поможет лучше осмыслить некоторые факты.

В числе прочего станет понятнее приход к власти такого человека, как Сталин.

Действительно, Сталин «не с луны свалился». Сталин и «сталинизм» — всего лишь логические последствия определенной эволюции, явившейся результатом ужасного заблуждения, губительного отклонения Революции с ее пути.

Именно Ленин и Троцкий — то есть созданная ими система — подготовили почву для этого и взрастили Сталина.

Верно, что не все способны мыслить логически.

Но пусть они прозреют, пока не стало слишком поздно!

«Вот факты, которые демонстрируют извечную чудовищность власти. Пусть они заставят в ужасе отступить тех, кто слепо бросается на путь Диктатуры, будь то во имя высшего идеала или же следуя самым логичным формулам социологии. Пусть они накануне событий, могущих привести к революционной ситуации, заставят принять все необходимые предосторожности, не только чтобы избежать ловушек, в которых были разбиты и погибли русские анархисты, но и чтобы в час революции суметь противопоставить свои практические концепции производства и распределения благ проектам коммунистических диктаторов».

Эти слова — прекрасные, сильные и верные — были написаны одним анархистом более пятнадцати лет назад, в разгар событий. Позднее, незадолго до смерти, его анархические убеждения оказались поколеблены. В минуту заблуждения он принял большевизм.

К счастью, если *люди* — существа в целом слабые и непоследовательные — отрекаются, изменяются и уходят, *истины*, провозглашенные ими в свое время, *остаются!*